

Психологический симптомокомплекс личности информатора

Александр В. Смирнов^a; Сергей В. Духновский^{b, @, ID}; Вячеслав В. Гвардыченко^c

^a Уральский государственный педагогический университет, Россия, г. Екатеринбург

^b Югорский государственный университет, Россия, г. Ханты-Мансийск

^c Бюро кадровой безопасности, Россия, г. Екатеринбург

@ dukhnovskysv@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0003-3118-9988>

Поступила в редакцию 08.11.2020. Принята к печати 30.11.2020.

Аннотация: Существует научный интерес к феномену доносительства, который исследователями понимается вполне однозначно. Однако неоднозначность социальных оценок доносительства и личности информатора, от крайне негативных до требований узаконить институт доносительства, говорит о слабой изученности этого явления. В настоящее время феномен доносительства и личность информатора изучаются в рамках правового, феноменологического, социологического и поведенческого направлений. Каждое направление изучает только свою часть феномена, по-разному представляет его эпидемиологические, этиологические факторы и исходит из своей методологии в оценке ущерба или пользы доносительства. Обнаруживается дефицит эмпирических исследований, предоставляющих важные сведения о личностных диспозициях, компонентах, структуре, побудительных мотивах, социальных последствиях рассматриваемого явления доносительства и личности информатора. Представленные материалы частично восполняют этот пробел. В проведенных эмпирических исследованиях в качестве основного инструмента использовалась специализированная проективная диагностическая методика «БУК-МИФ v.7.2», предназначенная для исследования различных проявлений индивидуальности человека. На первом этапе исследований анализировались образцы почерка из доносов различных исторических эпох (1826–1988). В дальнейшем полученные результаты сравнивались с данными аналогичной психографологической диагностики в группах нормативных лиц и лиц с выраженным аддиктивным поведением. Используя факторизацию данных, регрессионный, дисперсионный и графический анализы данных, авторы выделили психологический симптомокомплекс свойств индивидуальности информатора и, апробировав его устойчивость и дифференцирующие свойства, представили эмпирическую модель мотивации акта информирования, а также раскрыли и описали ее интенциональный, регуляторный, когнитивный, диспозиционный и бенефициарный компоненты.

Ключевые слова: доносительство, донос, социальная адаптация, социальная включенность, социокультурная среда, девиантное поведение

Для цитирования: Смирнов А. В., Духновский С. В., Гвардыченко В. В. Психологический симптомокомплекс личности информатора // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 4. С. 1018–1027. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-4-1018-1027>

Введение

Анализ первоисточников, посвященных исследованию феномена доносительства, показывает, что авторы относительно едины в определении этого явления. В обобщенном виде оно может быть представлено следующим образом: *донос, выполняемый доносителем (доносчиком, осведомителем, информатором), – анонимное или официальное сообщение властям о явных или мнимых действиях физического или юридического лица, содержащих, по мнению доносителя, признаки противоправного деяния* [1–5]. Однако оценка доносительства абсолютно неоднозначна. Отношение к доносительству колеблется от его явного неприятия как аморального, асоциального явления [6; 7] к мнению о неизбежности и естественности этого явления в любых социальных структурах и системах [6; 8] и, далее, к признанию доносительства как необходимого института государственного контроля и безопасности [6; 8; 9].

Авторы, стоящие на либеральных позициях, оценивают доносчика как стукача, предателя и т. п. [7; 10]. Авторы, рассматривающие доносительство сквозь призму интересов государства, оценивают его уже как информатора, нивелируя негативную эмоциональную коннотацию [8; 9]. Неоднозначность оценок указывает на недостаточную изученность явления доносительства в целом и с точки зрения психологии в частности. Сегодня индивидуальность информатора и феномен доносительства изучается в рамках правового, феноменологического, социологического и поведенческого направлений.

В рамках правового направления исследуется противоречие между необходимостью материального стимулирования и правового регулирования института информаторов в целях профилактики преступлений, обеспечения безопасности государства и фактическим положением дел, характеризующимся бессистемностью, противоречивостью,

как раз в связи с неоднозначностью социальной оценки феномена доносительства и отсутствием юридического статуса информаторов [1–6; 9; 11–13].

Феноменологическое направление рассматривает доносительство на междисциплинарном уровне истории, культурологии, психологии, этнологии, лингвистики, психолингвистики, социологии, этики с целью определить содержание и границы феномена, а также выявления его особенностей в контексте различных политических и исторических эпох или применительно к различным социальным стратам [1; 3; 4; 6].

В рамках *социологического направления* исследуются социологические, социально-психологические факторы распространения доносительства и социально-психологические факторы его мотивации [7; 14–18].

Наконец, в рамках условно названного *поведенческого направления* доносительство рассматривается как проявления различных форм девиантного поведения – аддиктивного [19; 20], оппозиционного, социального отчуждения и предательства [21; 22].

Но ни в одном из обозначенных направлений не были поставлены задачи выявления и описания системы взаимосвязанных психологических проявлений личности информатора и мотивационной структуры акта доносительства (информирования), что представляет научную актуальность в наших исследованиях. Практическая значимость заключается в получении конкретного перечня личностных и поведенческих проявлений информатора, в возможности количественного и качественного измерения мотивации акта информирования, позволяющего установить его социальную направленность.

Материалы и методы исследования

В качестве основного инструмента использовалась специализированная проективная диагностическая методика «БУК-МИФ v.7.2» (разработчики – А. В. Смирнов и В. В. Гвардыченко), предназначенная для экспресс-диагностики широкого спектра качеств и особенностей индивидуальности человека (более 25 характеристик) [23] на основе психографологического анализа образцов почерка с использованием методов математического моделирования.

В качестве образцов для анализа использовались фотокопии, ксерокопии, сканированные копии текстов доносов на сайтах различных архивов документов (хэштеги запроса: *доносы тексты; архив доносов; доносы фотокопии; доносы НКВД; доносы ГУЛАГ; доносы в Российской империи тексты; доносы в СССР тексты*). Анализируемый материал должен содержать основные критерии доноса: а) обращение к властям; б) описание конкретных реальных или мнимых деяний; в) описываемые деяния должны содержать признаки осуждаемых противоправных деяний.

В качестве источников информации рассматривались: 1) доносы граждан в Третье отделение Его Императорского Величества канцелярии, 1826–1880 гг. [24; 25]; 2) доносы граждан в «Отдельный корпус жандармов» Департамента МВД в составе ВС Российской империи,

1827–1917 гг. [24]; 3) доносы граждан в Департамент уголовной полиции Российской Империи, 1880–1917 гг.; 4) доносы граждан в ОГПУ СССР, 1923–1934 гг. [26]; 5) доносы граждан в НКВД СССР, 1934–1937 гг.; 6) доносы осведомителей в системе ГУЛАГ СССР, 1952–1953 гг.; 7) жалобы граждан на имя высших партийных руководителей СССР, 1937–1952 гг.; 8) анонимные доносы и жалобы граждан СССР властям различного административного и партийного уровня, 1979–1985 гг. [27].

Рапорты и оперативные донесения штатных сотрудников различных ведомств в качестве материалов для анализа не рассматривались. Из 2000 образцов документов указанным критериям соответствовало 54 образца. Таким образом, после обработки текстов методикой «БУК-МИФ v.7.2» была сформирована условная выборка Информаторы (N1=54). Для определения устойчивого психологического синдрома информатора данные выборки Информаторы сравнивались по критерию t-Стьюдента с данными реальных испытуемых, полученных с помощью методики «БУК-МИФ v.7.2», а именно с данными группы Аддикты (N2=54) – носителями различных форм аддиктивного поведения, подтвержденных специальными отдельными исследованиями [20], и группы Нормативные (N3=55), включающей лиц без признаков каких-либо девиаций, что также подтверждено отдельными исследованиями [20]. Гомогенность испытуемых по критерию пола, возраста, профессии, социального положения не соблюдалась. Соблюдались дифференцирующие критерии – доносительство / недоносительство, аддиктивность / неаддиктивность. Все данные проверялись на соответствие нормальному распределению по критерию Смирнова-Колмогорова *d max*. Соответствие подтвердилось в 98 % переменных.

Для определения метаиндивидуальной мотивационной структуры информатора использовался математико-статистический метод факторизации данных – извлечение простой факторной структуры с объясняемой дисперсией более 51 % и проверкой устойчивости каждого из факторов матрицы по критерию Левандовского.

Для точного определения переменных, способных устойчиво и точно дифференцировать информаторов от других категорий населения, собственно составляющих психологический симптомокомплекс информатора, использовался графический метод сравнения доверительных интервалов с учетом ошибки среднего ($\mu \pm 1,96 \times SE$) в переменных, дифференцирующих группу Информаторы от групп Аддикты и Нормативные по критерию t-Стьюдента. После графического анализа из оборота исключались переменные, имеющие в группе Информаторы интерференцию доверительных интервалов аналогичной переменной в других группах.

Результаты и обсуждение

На первом этапе были получены дифференцирующие различия, представленные в таблицах 1 и 2. У Информаторов по сравнению с Аддиктами более выражены такие качества, как склонность к нарушению социальных норм, личностная

неустойчивость, ведомость поведения, импульсивность, эгоизм, коррупционность, неблагонадежность, склонность к аферам, нарушение командных норм, конфликт с социальной средой, но вместе с тем социальная включенность, прагматичность, конформность, креативность,

принятие социального давления, командная направленность, чувство своего статуса. Менее выраженными оказались развитость механизмов сдерживания и произвольного контроля поведения и эмоций.

Табл. 1. Различия групп Информаторы и Аддикты по критерию t-Стьюдента

Tab. 1. Differences between the Informants and Addicts groups according to the t-Student criterion

Переменные	Среднее		t	p
	Информаторы	Аdditкты		
Социальная раскрепощенность поведения	6,46	5,41	3,22	0,002
Практицизм	6,09	4,63	5,46	0,001
Позитивные межличностные отношения	9,17	7,57	6,60	0,001
Негативные межличностные отношения	3,85	4,54	-2,76	0,007
Креативный интеллект	6,98	6,31	2,75	0,007
Надежность	6,56	7,50	-3,46	0,001
Ненадежность	5,11	4,20	2,89	0,005
Индивидуализм (эгоцентризм)	5,54	4,48	5,74	0,001
Устойчивость	5,89	6,54	-2,08	0,040
Неустойчивость	6,72	5,22	4,62	0,001
Эмоциональная регуляция поведения	7,26	5,69	4,21	0,001
Рассудочная регуляция поведения	7,26	6,54	2,33	0,022
Квотинент саморегуляции поведения	0,54	2,59	-5,05	0,001
Самоконтроль поведения – интегральный показатель	4,59	5,50	-2,50	0,014
Ведомость поведения – интегральный показатель	5,07	4,00	2,80	0,006
Соблюдение границ и норм – интегральный показатель	8,87	9,81	-2,18	0,031
Конформность – интегральный показатель	7,52	6,69	2,75	0,007
Принятие социального давления – интегральный показатель	4,54	4,06	2,88	0,005
Сдержанность – интегральный показатель	2,93	3,74	-2,78	0,006
Импульсивность – интегральный показатель	3,83	2,74	3,52	0,001
Коррупционность – общая	2,87	1,94	3,38	0,001
Регуляция поведения – блок коррупционной готовности	5,87	3,97	6,79	0,001
Соблюдение норм – блок коррупционной готовности	5,65	4,71	2,67	0,009
Соблюдение командных норм – интегральный показатель	5,81	3,36	5,64	0,001
Стратегия поведения в команде – интегральный показатель	4,69	5,43	-2,76	0,007
Статус благополучия – блок социальной включенности	5,56	4,72	2,51	0,014
Контроль поведения – блок социальной включенности	7,02	5,60	5,22	0,001
Этика поведения – блок социальной включенности	7,01	6,08	2,62	0,010
Контроль поведения – блок стиля жизни	4,10	4,88	-4,08	0,001
Соблюдение норм – блок стиля жизни	5,84	7,43	-5,67	0,001
Конформность – блок стиля жизни	7,54	6,28	4,96	0,001
Принятие культурного давления – блок стиля жизни	7,10	5,94	3,53	0,001
Контроль эмоций – блок стиля жизни	4,00	4,59	-2,61	0,010
Конфликт со средой – блок стиля жизни	3,88	3,55	2,31	0,023

Табл. 2. Различия групп Информаторы и Нормативные по критерию t-Стьюдента
Tab. 2. Differences between Informants and Regulatory groups according to t-Student's criterion

Переменные	Среднее		t	p
	Информаторы	Нормативные		
Социальная нормативность поведения	6,02	7,53	-6,31	0,001
Социальная раскрепощенность поведения	6,46	3,87	8,43	0,001
Практицизм	6,09	5,33	3,18	0,002
Позитивные межличностные отношения	9,17	8,45	3,09	0,003
Репродуктивный интеллект	5,07	6,16	-3,87	0,001
Креативный интеллект	6,98	5,76	5,18	0,001
Социальная включенность	5,72	6,75	-3,33	0,001
Социальная оппозиционность	4,93	3,58	3,73	0,001
Надежность	6,56	8,20	-6,54	0,001
Ненадежность	5,11	3,24	6,57	0,001
Социабельность (коллективизм)	5,33	6,49	-5,76	0,001
Индивидуализм (эгоцентризм)	5,54	3,87	8,67	0,001
Устойчивость	5,89	7,62	-5,81	0,001
Неустойчивость	6,72	4,22	7,65	0,001
Эмоциональная регуляция поведения	7,26	4,62	7,96	0,001
Активность	6,65	6,13	2,39	0,019
Индекс асоциальности поведения	31,82	13,24	4,05	0,001
Квотиент саморегуляции поведения	0,54	4,68	-11,28	0,001
Самоконтроль поведения – интегральный показатель	4,59	6,73	-7,84	0,001
Ведомость поведения – интегральный показатель	5,07	2,44	8,52	0,001
Соблюдение границ и норм – интегральный показатель	8,87	11,13	-6,69	0,001
Преодоление границ и норм – интегральный показатель	4,43	1,51	7,18	0,001
Конфликтность – интегральный показатель	2,26	1,53	2,36	0,020
Сдержанность – интегральный показатель	2,93	4,76	-8,11	0,001
Импульсивность – интегральный показатель	3,83	1,85	7,33	0,001
Скрытый конфликт с социальной средой – интегральный показатель	4,11	5,44	-4,36	0,001
Явный конфликт с социальной средой – интегральный показатель	4,56	2,89	5,07	0,001
Аддиктивность – общая	5,94	3,75	8,33	0,001
Криминальность – общая	4,28	2,20	7,37	0,001
Коррупционность – общая	2,87	1,29	7,02	0,001
Отношение к культуре – блок коррупционной готовности	4,63	3,84	2,60	0,011
Регуляция поведения – блок коррупционной готовности	5,87	3,45	9,07	0,001
Социальная направленность – блок коррупционной готовности	5,07	2,88	6,59	0,001
Соблюдение норм – блок коррупционной готовности	5,65	3,55	6,58	0,001
Мотивация поведения – блок коррупционной готовности	5,30	6,37	-3,62	0,001
Личностная позиция – блок коррупционной готовности	5,64	6,71	-3,77	0,001
Командность – общая	2,37	2,91	-2,62	0,010
Соблюдение командных норм – интегральный показатель	5,81	1,29	10,25	0,001
Групповая направленность – интегральный показатель	6,33	7,83	-3,99	0,001
Включенность в культуру – общая	1,37	2,76	-5,87	0,001

Переменные	Среднее		t	p
	Информаторы	Нормативные		
Отношение к культуре – блок социальной включенности	5,50	6,11	-2,19	0,030
Статус благополучия – блок социальной включенности	5,56	6,66	-3,60	0,001
Контроль поведения – блок социальной включенности	7,02	4,98	7,45	0,001
Этика поведения – блок социальной включенности	7,01	4,79	6,58	0,001
Контроль поведения – блок стиля жизни	4,10	5,16	-5,87	0,001
Соблюдение норм – блок стиля жизни	5,84	8,55	-11,13	0,001
Социальная направленность – блок стиля жизни	6,04	4,81	4,39	0,001
Конформность – блок стиля жизни	7,54	6,35	5,20	0,001
Принятие культурного давления – блок стиля жизни	7,10	4,75	8,10	0,001
Контроль эмоций – блок стиля жизни	4,00	4,62	-2,82	0,006
Конфликт со средой – блок стиля жизни	3,88	4,26	-2,21	0,030

По сравнению с Нормативными, у Информаторов более выраженными оказались такие качества, как социальная раскрепощенность поведения, склонность к нарушению норм, оппозиционность, неблагонадежность, эгоизм, личностная неустойчивость, ведомость поведения, эмоциональность, импульсивность, конфликтность, степень криминальности, асоциальности и аддиктивности, коррупционность, конфликт с социальной средой, склонность к аферам, нарушение командных норм. Вместе с тем более выражены и такие позитивные качества, как социальная продуктивность, социальная направленность, альтруистичность, прагматизм, стремление к позитивному социальному статусу, социальная активность, креативность. Сниженными, как и в случае с Аддиктами, оказались развитость механизмов сдерживания и произвольного контроля поведения и эмоций.

Применение оценочного критерия *просоциальность / асоциальность* показало, что Информаторы занимают промежуточное положение между аддиктивными девиантами и нормативными лицами, не смыкаясь однозначно ни с теми, ни с другими. Оказалось, что Информаторы устойчиво превосходят и Аддиктов, и Нормативных по числу асоциальных проявлений индивидуальности ($\varphi^*1=3,00$ при $p<0,001$; $\varphi^*2=3,00$ при $p<0,001$), однако не отличаются статистически ни от тех, ни от других по числу просоциальных проявлений. Эта особенность указывает на возможность выделения специфического психологического симптомокомплекса информатора.

Факторизация переменных, по которым у Информаторов имеются статистические различия с представителями двух других групп, представлена в табл. 3.

Табл. 3. Факторная модель мотивации акта информирования властей информатором
Tab. 3. Factor model of motivation of the act of informing the authorities by the informant

Переменные	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4	Фактор 5
Скрытый конфликт с социальной средой – интегральный показатель	0,90	-	-	-	-
Отношение к культуре – блок социальной включенности	0,86	-	-	0,36	-
Групповая направленность – блок командности	0,82	-	-	-	-
Командность – общая	0,80	-	-	0,37	-
Принятие социального давления – интегральный показатель	0,78	-	-	-	-
Конфликт со средой – блок стиля жизни	0,72	0,40	-	-	-
Социальная включенность	0,69	-	-	-	-
Включенность в культуру – общая	0,60	-0,48	0,36	-	-
Конформность – блок социальной включенности	0,53	-	-	0,46	-

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-4-1018-1027

Переменные	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4	Фактор 5
Явный конфликт с социальной средой – интегральный показатель	-0,85	-	-	-	-
Социальная оппозиционность	-0,77	-	-	-	-
Сопrotивление культурному давлению – интегральный показатель	-0,72	-	-	-	-
Неустойчивость	-0,67	-	-	-	-
Преодоление границ и норм – интегральный показатель	-0,66	-	-0,39	-0,48	-
Контроль поведения – блок социальной включенности	-0,66	-	-	-	0,42
Социальная направленность – блок коррупционной готовности	-0,65	-	-0,59	-	-
Социальная раскрепощенность поведения	-0,64	-	-	-	0,51
Коррупционность – общая	-0,63	-	-	-	0,43
Конфликтность – интегральный показатель	-0,63	-	-0,51	-0,39	-
Непрактичность	-0,57	0,39	0,41	-	-
Квотиент социально-негативного поведения	-0,57	-	-	-	-
Негативные межличностные отношения	-0,52	-	-0,37	-	-
Креативный интеллект	-	0,88	-	-	-
Этика поведения – блок социальной включенности	-	0,86	-	-0,35	-
Импульсивность – интегральный показатель	-	0,79	-	-	-
Ведомость поведения – интегральный показатель	-	0,59	-0,59	-	-
Репродуктивный интеллект	-	-0,88	-	-	-
Сдержанность – интегральный показатель	-	-0,81	-	-	-
Самоконтроль поведения – интегральный показатель	0,49	-0,66	-	-	-
Контроль эмоций – блок стиля жизни	-0,47	-0,57	-	-	-
Социальная нормативность поведения	-	-	0,82	-	-
Статус благополучия – блок социальной включенности	-	-	0,73	-	-
Конформность – блок стиля жизни	-	-	0,72	-	-
Квотиент саморегуляции поведения	-	-0,51	0,57	-	-
Позитивные межличностные отношения	-	-	0,57	-	0,45
Устойчивость	-	-	0,55	-	-
Принятие культурного давления – блок стиля жизни	-	-	-0,78	-	-
Криминальность	-	-	-0,56	-	-
Активность	-	-	-	0,89	-
Личностная позиция – блок командности	-	-	-	0,84	-
Надежность	-	-	-	0,80	-
Социальная направленность – блок стиля жизни	-0,37	-	-	0,73	-
Социальная включенность – интегральный показатель	-	-	-	0,71	-
Социабельность (коллективизм)	-	-	-	0,56	-
Социальная оппозиционность – интегральный показатель	-	-	-	-0,82	-
Пассивность	-	-	-	-0,78	-
Ненадежность	-	-	-	-0,77	-
Отношение к культуре – блок коррупционной готовности	-0,55	-	-	-0,71	-
Контроль поведения – блок стиля жизни	-0,40	-0,35	-	-0,61	-
Практицизм	0,37	-	-	-	0,72
Индивидуализм (эгоцентризм)	-0,35	-	-	-	0,53
Рассудочная регуляция поведения	-0,51	-	-	-	0,54
Expl. Var	13,28	6,63	6,56	8,43	3,65
Prp. Totl	0,25	0,13	0,12	0,16	0,07

Первый биполярный фактор – социальная включенность / оппозиционность – образует **интенциональный компонент**. Основным конфликтом, который описывают переменные, составляющие фактор, – конфликт между побуждением к социальной включенности и социальной оппозиционности (протестности). Конфликт раскрывает просоциальную и протестную мотивацию акта информирования – как исполнение гражданского (служебного) долга или как акт протеста против субъективно понимаемой социальной несправедливости по отношению к информатору.

Второй биполярный фактор – импульсивность / рассудочность – образует **регуляторный компонент**. Основное противоречие, описываемое фактором, – импульсивно возникающее побуждение к реализации акта информирования, провоцируемого спонтанными, случайными внешними стимулами и внутренними импульсами или его реализация на основе рационально принимаемого решения, что отражается в соответствующем поведении.

Третий биполярный фактор – соблюдение / нарушение норм и границ – образует **когнитивный компонент**. Компонент описывает конфликт между побуждениями к нарушению и соблюдению как социальных норм поведения, так и вообще любых границ и ограничений. Как и в первом факторе, конфликт раскрывает просоциальную и асоциальную мотивацию акта информирования – как восстановление справедливости и поправных норм или как инструмент сознательного паразитирования в социокультурной среде.

Четвертый биполярный фактор – коллективизм / индивидуализм – образует **диспозиционный компонент**. Основным конфликтом, описываемый переменными в пространстве этого фактора, – конфликт между коллективистской и эгоистической позициями по отношению к социуму или деятельности, что опять-таки определяет и соответствующую мотивацию поведения, в частности информирование. В контексте указанной мотивации информирование может мотивироваться коллективистскими ценностями и осуществляться в составе группы или быть актом одиночки, и быть ведомым личными потребностями.

Пятый униполярный фактор – личная выгода – образует **бенефициарный компонент**. Переменные, входящие в пространство факторов, указывают на акцентирование личных эгоистических и преимущественно материальных потребностей, стремление к получению выгоды, что само по себе может выступать мотивом акта информирования.

Интересными представляются регрессионные зависимости, полученные в ходе анализа данных. Так, получена обратная регрессионная связь между четвертым и первым фактором – интенциональным и диспозиционным компонентами ($R^2=0,14$; $F(1:51)=7,35$; $V=-0,43$ при $p<0,009$), которая указывает на то, что чем сильнее информатор в акте информирования руководствуется стремлением соблюдать просоциальные нормы или цели, тем сильнее он руководствуется в этом личными потребностями и эгоистическими интересами. Прямая регрессионная связь

между первым и пятым фактором – интенциональным и бенефициарным компонентами ($R^2=0,10$; $F(1:51)=5,07$; $V=0,18$ при $p<0,03$), которая указывает нам, что чем сильнее информатор в акте информирования руководствуется стремлением соблюдать явные просоциальные нормы, цели или интересы, тем сильнее он руководствуется в этом стремлением к получению личной выгоды. Очевидно, что эти моменты следует учитывать, сталкиваясь с выраженным просоциальным поведением информаторов.

Каждый из пяти факторов выделенной структуры содержательно имеет просоциальный или асоциальный полюс. Эти полюса могут служить дорожной картой для анализа поведения информатора. Определяя численно выраженность соответствующих полюсов, мы получаем соотношение просоциальных и асоциальных мотивов поведения – квотинт просоциальности, выступающий основанием для определения социальной направленности информатора.

Далее из перечня переменных, дифференцирующих Информаторов от представителей других групп, был выделен полный синдром информатора и интервальные показатели входящих в него переменных (табл. 4).

Табл. 4. Психологический симптомокомплекс информатора, полученный с помощью методики «БУК-МИФ v.7.2» и интервальные значения составляющих его переменных
Tab. 4. Informant's psychological symptom complex obtained using the "БУК-МИФ v.7.2" technique and interval values of its constituent variables

Переменная	Значение
Социальная раскрепощенность поведения	≥ 6
Надежность	$6 \div 7$
Индивидуализм	≥ 5
Неустойчивость	> 6
Эмоциональная регуляция поведения	> 6
Квотинт саморегуляции поведения	< 1
Импульсивность – интегральный показатель	> 3
Коррупционность – общая	> 2
Регуляция поведения – блок коррупционности	> 5
Соблюдение командных норм	> 5
Контроль поведения – блок социальной включенности	> 6
Контроль поведения – блок стиля жизни	< 5
Соблюдение норм – блок стиля жизни	> 5
Конформность – блок стиля жизни	> 6
Принятие культурного давления	> 6

Апробация синдрома на практике показала, что критериальное событие – наличие устойчивой склонности к информированию – фиксируется уже при совпадении значений в любых 9 переменных из 15. Внутренняя согласованность и устойчивость выделенного симптомокомплекса составила по критерию α -Кронбаха 0,67 при $p<0,001$;

по наличию дисперсионных взаимосвязей $F(2;52)=31,50$ при $p<0,001$; коэффициент детерминации (связи, сочетанности именно с группой Информаторы) составил показатель $KMD=R^2=0,28$ при $p<0,001$. Эмпирическая согласованность симптомокомплекса с внешним критерием – фактом реального информирования – составила показатель в диапазоне $R=0,77\div 0,90$.

Выводы

Исследования показали существование научного интереса к феномену доноительства, который понимается вполне однозначно. Однако неоднозначность социальных оценок доноительства и личности информатора от крайне негативных до требований узаконить институт доноительства говорит о слабой изученности этого явления.

В настоящее время феномен доноительства и личность информатора изучаются в рамках правового, феноменологического, социологического и поведенческого направлений. Каждое направление изучает только свою часть феномена,

по-разному представляет его эпидемиологические, этиологические факторы и исходит из своей методологии в оценке ущерба или пользы доноительства. Обнаруживается дефицит эмпирических исследований, предоставляющих важные сведения об этиологии, личностных диспозициях, компонентах, структуре, побудительных мотивах, социальных последствиях рассматриваемого явления доноительства и личности информатора.

Представленные материалы частично восполняют эти проблемы. Выделена и описана система взаимосвязанных психологических проявлений личности информатора, а также мотивационная структура акта доноительства (информирования), выступающая основой для анализа, например актов анонимного доноительства. Получен перечень конкретных личностных и поведенческих проявлений информатора. Введение квотиента просоциальности акта информирования дает возможность количественной и качественной оценки социальной направленности поведения информатора.

Литература

1. Власова Т. А., Королева Н. М. Исторические аспекты вопроса о роли доносов в уголовном праве // Научный вестник Крыма. 2020. № 1. Режим доступа: <http://nvk-journal.ru/index.php/NVK/article/view/601/799#> (дата обращения: 31.10.2020).
2. Зимбули А. Е. Сплетня и донос: этический анализ // Символ науки. 2015. № 7-2. С. 58–65.
3. Кабанов П. А. Материальное стимулирование антикоррупционного доноительства в Российской Федерации: вопросы правового регулирования // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14. № 1. С. 92–104. DOI: 10.21202/1993-047X.14.2020.1.92-104
4. Кошман К. С., Сотникова Л. В. Влияние доносов на уголовное право: от прошлого к настоящему // Вестник Совета молодых учёных и специалистов Челябинской области. 2018. Т. 1. № 4. С. 76–78.
5. Зейналов И. М., Кравченко В. С., Колесникова А. А. «Доноительство» на условиях бизнеса (критический обзор практики «доноительства» в США) // Право и государство: теория и практика. 2015. № 5. С. 122–126.
6. Луговик В. Ф., Мазунин Я. М. Участие граждан в негласном расследовании преступлений // Правовые проблемы укрепления российской государственности / науч. ред. О. И. Андреева, Т. В. Трубникова. Томск: ТГУ, 2019. Ч. 83. С. 271–277. DOI: 10.17223/9785946218566/36
7. Макаренко В. П. Щекотливая проблема и государственный цинизм // Конфликтология. 2015. № 3. С. 106–127.
8. Михневич А. В., Малышев Н. Д. Информатор: иуда настоящего времени или спаситель человечества? // Успехи современной науки. 2017. Т. 6. № 1. С. 79–85.
9. Сухов Э. В. Неопределенность правового положения «информаторов» за вознаграждение в Российской Федерации // Проблемы в российском законодательстве. 2018. № 4. С. 85–88.
10. Попова О. Ю. «Враг» в структурах повседневности советского человека периода довоенного сталинизма // Труды Института российской истории РАН. 2014. № 12. С. 274–288.
11. Тимашова А. А., Кутепов О. Е. Защита лиц, сообщивших о коррупции // Вестник Калужского университета. 2018. № 2. С. 15–18.
12. Кириллов М. А., Рукавишников Г. А. К вопросу об активности населения по сообщению в органы внутренних дел сведений, имеющих значение для борьбы с преступностью (на примере криминализации несообщения о преступлении) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2. С. 155–162.
13. Крутикина Ю. А. Толкование положений уголовного закона об ответственности за несообщение о преступлении // Академическая мысль. 2018. № 3. С. 131–133.
14. Егоров С. Г. Донос как средство сведения личных счетов в послевоенном СССР // Современные научные исследования и разработки. 2016. № 6. С. 39–41.
15. Нехамкин В. А. Донос как социально-психологический феномен (из отечественного опыта 1930-х годов) // Историческая психология и социология истории. 2014. Т. 7. № 2. С. 63–79.
16. Гуриева С. Д., Виноградова Я. Е. Структура социальных представлений о феномене предательства // Вестник Вятского государственного университета. 2019. № 1. С. 85–93. DOI: 10.25730/VSU.7606.19.011

17. Духновский С. В. Психологическая надежность и кадровая безопасность (на примере государственной гражданской и муниципальной службы). Курган: Курганский фил. РАНХиГС, 2018. 314 с.
18. Духновский С. В. Психологическая надежность и кадровая безопасность государственных гражданских и муниципальных служащих // Кадровик. 2019. № 3. С. 78–89.
19. Майсак Н. В. Феноменология девиантного поведения в профессии: подходы, концепции, типология // Прикладная юридическая психология. 2011. № 1. С. 83–90.
20. Смирнов А. В. Психология аддиктивного поведения. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2014. 378 с.
21. Патракова А. П. Синдром человека бдительного (*Homo securitatis*) // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2017. № 9. С. 113–118.
22. Мухина В. С., Хвостов А. А. Отчуждение от других: лжецы и предатели // Развитие личности. 2011. № 3. С. 12–39.
23. Смирнов А. В., Гвардыченко В. В. Краткие психометрические сведения о новой проективной интегрально-модульной диагностической системе «БУК-МИФ v.7.2» // Педагогическое образование в России. 2018. № 10. С. 35–43.
24. Бойко В. П. К вопросу о предательстве и доносите́льстве в декабристской среде. Рец.: Мамсик Т. С. Новое прочтение известных текстов: декабрист И. И. Пущин и другие // Человек – текст – эпоха: сб. науч. ст. и материалов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. Вып. 4. С. 38–63 // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 2. С. 166–169.
25. Соборнов П. Е. III Отделение Собственной Канцелярии Его Императорского Величества и общество: проблемы взаимодействия // Государственно-правовые исследования. 2018. № 1. С. 240–242.
26. Корганова М. Э. Эго-источники о феномене доносите́льства в советских исправительно-трудовых лагерях в 1929–1938 годах // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 6. С. 36–42. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.369
27. Спицина Е. В. Социально-психологический кризис в России рубежа 70–80-х годов XIX века: «охота на ведьм» // Научный диалог. 2017. № 5. С. 291–302. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-5-291-302

original article

Psychological Symptom Cluster of the Whistleblower as a Personality

Alexander V. Smirnov^a; Sergey V. Dukhnovsky^{b, @, ID}; Vyacheslav V. Gvardychenko^c^a Ural State Pedagogical University, Russia, Ekaterinburg^b Yugra State University, Russia, Khanty-Mansiysk^c Personnel security Bureau, Russia, Ekaterinburg

@ dukhnovskysv@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0003-3118-9988>

Received 08.11.2020. Accepted 30.11.2020.

Abstract: The phenomenon of whistleblowing has always attracted scientific attention and received quite a definitive interpretation. However, the popular evaluation of whistleblowing remains ambiguous: it ranges from extremely negative to demands to legalize it as a social institution, which makes related studies highly relevant. Law, phenomenology, sociology, and behavioral studies have their own definitions of this phenomenon. As a result, its overall understanding still remains multifaceted, as each science focuses on its own epidemiological and etiological factors and proceeds from its own methodology in assessing the consequences of whistleblowing as negative or positive. The authors analyzed numerous scientific sources and revealed a lack of empirical research about the whistleblower as a personality, e.g. personal dispositions, components, structure, motivations, social consequences, etc. The paper introduces some materials that partially fill this gap. The authors used a specialized projective diagnostic technique (BUK-MIF v.7.2) to study various manifestations of human personality. The first stage of the research involved a handwriting analysis of denunciation samples dated 1826–1988. After that, the results were compared with the data of similar psychographic diagnostics in control groups and groups of respondents with addictive behavior. The authors used data factorization, regression, variance, and graphical data analysis to identify the psychological symptom cluster of a whistleblower as a personality. After defining its stability and differentiating properties, the authors built an empirical model of motivation for the act of whistleblowing and described its intentional, regulatory, cognitive, dispositional, and beneficial components.

Keywords: whistleblowing, denunciation, social adaptation, social inclusion, socio-cultural environment, deviant behavior

For citation: Smirnov A. V., Dukhnovsky S. V., Gvardychenko V. V. Psychological Symptom Cluster of the Whistleblower as a Personality. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(4): 1018–1027. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-4-1018-1027>

References

1. Vlasova T. A., Koroleva N. M. Historical aspects of the raleigh donosov in the criminal right. *Scientific Bulletin of Crimea*, 2020, (1). Available at: <http://nvk-journal.ru/index.php/NVK/article/view/601/799#> (accessed 31.10.2020). (In Russ.)
2. Zimbali A. E. Gossip and denunciation: ethical analysis. *Simvol nauki*, 2015, (7-2): 58–65. (In Russ.)
3. Kabanov P. A. Material incentives for anticorruption whistleblowing in the Russian Federation: issues of legal regulation. *Actual Problems of Economics and Law*, 2020, 14(1): 92–104. (In Russ.) DOI: 10.21202/1993-047X.14.2020.1.92-104
4. Koshman K. S., Sotnikova L. V. Impact of denunciations on criminal law: from past to the present. *Vestnik Soveta molodykh uchenykh i spetsialistov Cheliabinskoi oblasti*, 2018, 1(4): 76–78. (In Russ.)
5. Zeynalov I. M., Kravchenko V. S., Kolesnikova L. A. "Whistle blowing" on the terms of business (a critical review of the practice of "whistle blowing" in the United States). *Law and State: The Theory and Practice*, 2015, (5): 122–126. (In Russ.)
6. Lugovik V. F., Mazunin Ya. M. Citizen participation in a covert investigation of crimes. *Legal issues of strengthening Russian statehood*, eds. Andreeva O. I., Trubnikova T. V. Tomsk: TGU, 2019, pt. 83, 271–277. (In Russ.) DOI: 10.17223/9785946218566/36
7. Makarenko V. P. The sensitive issue and cynicism of the state. *Konfliktologia*, 2015, (3): 106–127. (In Russ.)
8. Mikhnevich A. V., Malyshev N. D. Informant: modern Judas or the savior of mankind? *Uspekhi sovremennoi nauki*, 2017, 6(1): 79–85. (In Russ.)
9. Sukhov E. V. The uncertainty of the legal status of "informants" for the reward in the Russian Federation. *Gaps in Russian legislation*, 2018, (4): 85–88. (In Russ.)
10. Popova O. Ju. The "enemy" in the structures of everyday life of Soviet people prewar period of Stalinism. *Trudy Instituta rossiiskoi istorii RAN*, 2014, (12): 274–288. (In Russ.)
11. Timashova A. A., Kutepov O. E. The protection of people who report corruption. *Vestnik Kaluzhskogo universiteta*, 2018, (2): 15–18. (In Russ.)
12. Kirillov M. A., Rukavishnikov G. A. To the question of population's activity on reporting on the important data to the bodies of home affairs to combat crime (on the example of criminalization of non-reporting on the crime). *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, (2): 155–162. (In Russ.)
13. Krutikina Yu. A. Interpretation of the criminal law provisions on liability for failure to report a crime. *Akademicheskaja mysl*, 2018, (3): 131–133. (In Russ.)
14. Egorov S. G. Denunciation as a means of personal relationships in the post-war USSR. *Sovremennye nauchnye issledovaniia i razrabotki*, 2016, (6): 39–41. (In Russ.)
15. Nekhamkin V. A. Whistleblowing as a socio-psychological phenomenon (from the domestic experience of the 1930). *Istoricheskaja psikhologija i sotsiologija istorii*, 2014, 7(2): 63–79. (In Russ.)
16. Gurieva S. D., Vinogradova Y. E. The structure of social ideas about the phenomenon of betrayal. *Herald of Vyatka State University*, 2019, (1): 85–93. (In Russ.) DOI: 10.25730/VSU.7606.19.011
17. Dukhnovsky S. V. *Psychological reliability and personnel security (the case of the state civil and municipal service)*. Kurgan: Kurganskii fil. RANKhiGS, 2018, 314 (In Russ.)
18. Duhnovsky S. V. Psychological reliability and personnel safety of state civil and municipal employees. *Kadrovik*, 2019, (3): 78–89. (In Russ.)
19. Maysak N. V. Phenomenology of deviant behavior in the profession: approaches, concepts, and typology. *Prikladnaia iuridicheskaja psikhologija*, 2011, (1): 83–90. (In Russ.)
20. Smirnov A. V. *Psychology of addictive behavior*. Ekaterinburg: Uralskii gos. ped. un-t, 2014, 378. (In Russ.)
21. Patrakova A. P. Security-aware personality (Homo securitatis). *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, 2017, (9): 113–118. (In Russ.)
22. Mukhina V. S., Khvostov A. A. Alienation from others: liars and traitors. *Personal Development*, 2011, (3): 12–39. (In Russ.)
23. Smirnov A. V., Gvardychenko V. V. A new projective integral-modular diagnostic system "BUK-MIF v.7.2": brief guide to psychometric tests. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, 2018, (10): 35–43. (In Russ.)
24. Boyko V. P. To the question of betrayal and informing in decembrists surrounding. Review: Mamsik T. M. A new interpretation of famous texts: decembrist I. I. Pushchin and others. Man – text – epoch: collection of scientific articles and materials. Edit. 4. Tomsk: Tomsk University publishes, 2011. P. 38–63. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija*, 2012, (2): 166–169. (In Russ.)
25. Sobornov P. E. III Department of his Own Chancellery of his Imperial Majority and society: problems of interaction. *Gosudarstvenno-pravovye issledovaniia*, 2018, (1): 240–242. (In Russ.)
26. Korganova M. E. The phenomenon of denunciation in the Soviet labor camps of 1929–1938 through ego-documents. *Proceedings of Petrozavodsk State University*, 2019, (6): 36–42. (In Russ.) DOI: 10.15393/uchz.art.2019.369
27. Spitsina E. V. Socio-psychological crisis in Russia in the turn of 1970–1980-ies: "witch hunt". *Nauchnyi dialog*, 2017, (5): 291–302. (In Russ.) DOI: 10.24224/2227-1295-2017-5-291-302